

Екатерина Гликен

16+

Маршрутка

Екатерина Константиновна Гликен

Маршрутка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62162146

SelfPub; 2023

Аннотация

Каждый день и каждую ночь тысячи маршруток и автобусов перевозит миллионы пассажиров. Люди заходят внутрь салонов, таща за собой туда свои боль и обиды, радости и проклятия. Кто-то остается в маршрутках навечно. Что вас ждет в общественном транспорте. Поверьте, не только риск заразиться банальным ОРВИ, там бывает что-то и пострашнее... Какой попутчик сидит рядом с вами сейчас? Легкая страшилка на ночь из тех, что рассказывают в летних лагерях.

Екатерина Гликен

Маршрутка

Маршрутка

Екатерина Константиновна Гликен

Каждый день и каждую ночь тысячи маршруток и автобусов перевозит миллионы пассажиров. Люди заходят внутрь салонов, таща за собой туда свои боль и обиды, радости и проклятия. Кто-то остается в маршрутках навечно. Что вас ждет в общественном транспорте. Поверьте, не только риск заразиться банальным ОРВИ, там бывает что-то и пострашнее... Какой попутчик сидит рядом с вами сейчас? Легкая страшилка на ночь из тех, что рассказывают в летних лагерях.

Екатерина Гликен

Маршрутка

На улице было сыро, вдаль, на рассвет, яркой полосой уходил блестящий после дождя асфальт. Сонные люди выстроились в очередь на остановке. Я подошла, посмотрела на часы: они показывали без пяти три ночи. В пять минут четвертого наша таратайка должна прибыть.

– Кто последний? – спросила я погромче, всё равно ведь найдётся тот самый последний не сразу, обязательно будет

стоять в стороне, попыхивая сигаретой, и не услышит, как его разыскивают.

– Я, – неожиданно отозвалась маленькая горбатая старушка впереди.

Ох, и нехороша она мне показалась, нос крючком, сама тощая, одни кости, обтянутые кожей, глаза глубоко посажены, будто кто-то с силой вдавил их в череп, вылитая баба-яга.

– Хорошо, буду за вами, – подчёркнуто радостно объявила я, стараясь не выдать своей неприязни к этому мистическому скукоженному фрукту, напоминающему то ли старого сфинкса, то ли больного шарпея.

– Нет, – резко глянула на меня старушенция. – Я вас пропущу.

Я, признаться, не поняла суть манёвра, но старуха была настолько пугающей, что лучше было не спорить и вести себя максимально вежливо, всё-таки три часа ночи, вдруг ведьмы, и правда, существуют.

Старуха после моего согласия мгновенно очутилась позади. Ну уж тут стало неудобно мне. Что она там позади делает? Шуршит чем-то, шлёпает, пришепётывает. Если не ведьма, то больная точно. Было жутко, хотелось повернуться; тем более, пока не видно, что делается позади, вообразить можно столько всего, что ни одна реальность не сравнится с фантазией. Я лихорадочно придумывала повод, чтобы оглянуться. Можно было бы завести пространную беседу с этой ветошью, но, честное слово, как только представлялись в памяти

два глаза, которые, словно из норы, из черепа смотрят, и этот нос, который почти в губы упирается, такая тоска и ужас одолевали меня, что не то, чтобы разговаривать, а и смотреть-то на нее было противно. Смотреть – противно, не смотреть – страшно.

Первые ряды в очереди загудели, началось неспешное упорядоченное движение. Ну, спасибо, маршрутка приехала, выручила, сейчас усядусь подальше от этой карги, и – всё на том. Я решительно начала напирать на впереди стоящих, чтобы оказаться как можно дальше от своей страшной соседки. На всякий случай даже куртку сняла, словно так и задумано, а сама тайком посмотрела на её спинку. Уж не знаю, что я там искала, но, кажется, готова увидеть была что угодно: от воткнутых булавок до перевёрнутых крестов с пентаграммами. Куртка оказалась чем-то заляпанной: следов жидкости не нашла, но руки слегка прилипали. Для порядка вопросительно посмотрела на старуху, но не сильно грозно, кто её знает. Бог с ней, с курткой, самой бы живой уйти, вдруг у старухи бритва за спиной. Какая только ерунда не лезет в голову человеку ночью на остановке в полупустом городе! Старуха не смотрела на меня, её голова была вывернута почти на сто восемьдесят градусов в противоположном направлении.

Скрипнули тормоза, из двери кабины вывалился полусонный водитель в белой мятой рубашке, трусцой, потирая руки от морозца, обежал маршрутку и открыл багажный отсек.

Очередь, до того являвшая собой лучшие образцы военных римских построений, хаотично заметалась: одни стремились кинуть чемодан и успеть занять места в автолайне, другие, похитрее, тащили авоськи с собой в душный склепик микроавтобуса, третьи митинговали, призывая к порядку. В общем, воспользовавшись суматохой, я как можно дальше отошла от старухи и поспешила занять кресло.

Одиночных мест не осталось. Выбор невелик: сбоку две двойнушки. Постояла, подумала, огляделась: если сяду на пустую двойнушку, то ко мне может моя фурия подсесть, которая ещё в автобус не вошла. Если попытаться занять кресло в другой двойнушке, придётся для начала уговорить будущую соседку снять сумку с кресла, а потом ещё всю дорогу дышать «духами и туманами» и под утро, задыхаясь от восторга, синеть, хрипеть, биться в конвульсиях и сдохнуть окончательно от удушья на её обширной груди, хватая ртом воздух, словно кит, выбросившийся на берег. Я выбрала вариант с одеколоном и грудью: при таком раскладе возможность выжить казалась менее призрачной, чем бок о бок с этим аспидом, пропустившим меня на остановке в очереди.

– Будьте добры, – наклонилась я к надушенной особе и тут же отпрянула, так как широкие сиреневые губы разверзлись, не дав мне договорить, и иерихонская труба возвестила: «Занято!»

От растерянности плюхнулась в пустую двойнушку, забыв об опасности оказаться рядом с ведьмой. К счастью,

вскоре от общения со старухой меня заслонил приятного вида мужчина средних лет. Я мысленно скрутила фигу надутенному фельдфебелю с губами цвета варёного осьминога и встроенным геликоном вместо голосовых связок: дядечка-то выбрал меня. Мелочь, конечно, но, если ты женщина, из таких малюсеньких побед строится не только настроение на день, но и, вообще, вся жизнь. Женщины злыми становятся не от старости и не от каких-то там внутренних изменений организма, они превращаются в противных вредин, когда их перестают выбирать даже вот такие средних лет мужчины. Пока дама, даже в сто пятьдесят с хвостиком, ловит на себе хоть один тот самый взгляд, она будет мила и добра. Но это лишнее. Женщина-труба вдруг заёрзала, салон нашего автобуса в ответ на могучие телодвижения заходил под ней ходуном, а через мгновение она вылетела с невероятной легкостью, словно та самая обещанная птичка из фотоаппарата, возгласив сиреной, что села не в ту маршрутку. Жизнь налаживалась.

Маршрутка тронулась.

– Женщина, сядьте! – раздался голос сзади.

Все, кто хотел, обернулись и увидели мою злосчастную старуху, стоящую напротив двойного свободного кресла.

– Сядьте, бабушка, во время движения нельзя стоять, водителя оштрафуют.

Старуха молчала, уставившись в одну точку.

– Бабуля, сядьте, или мы никуда сейчас не поедем! – ввя-

зался водитель в уговоры.

– Не сяду, – поддалась на шантаж старуха. – Не сяду, меня укачивает.

И вот тут мой приятного вида и средних лет мужчина сделал мне такое запаadlo. Этот доморощенный джентльмен неистово преисполнился благородства, вследствие чего встал, подал ручку горбатому змию и предложил своё место, то, которое рядом со мной. Старуха моментально согласилась. Мой приятного вида уселся на пустую двойнушку, а ко мне присоединилось это несчастье.

Все выдохнули, водитель облегчённо усмехнулся, маршрутка стала готовиться мирно прохрапеть ближайший час поездки.

Я отвернулась от старухи и уставилась в окно. Соседка моя, однако, сбоку начала шевелиться и ёрзать.

– Не знаете, что это может такое быть? – сунула я ей в нос мою куртку.

– Нет, нет, не знаю, – ответила бабка, как мне показалось, не очень-то и уверенно.

– Посмотрите внимательно, – не отступала я. – Вот, что-то липкое, вам так не кажется?

Старуха замолчала и уставилась в спинку впереди стоящего кресла.

Отворачиваться от неё было страшно, неизвестно, что та может учудить. Говорить с ней – невозможно. Атаковать расспросами – бесполезно. Спать попросту нельзя, таких сосе-

дей надо всегда держать в поле зрения.

– Хотите, если вас укачивает, я попрошу тех, кто впереди, освободить для вас кресло? – ласково и дружелюбно промурлыкала я.

Старуха взглянула на меня в ответ своими спрятанными в черепе глазами и улыбнулась. Лучше б она этого не делала. Внизу под носом, губы растянулись в тонкую линию, обнажив одинокий желтый зуб посередине.

– Друзья! – обратилась я тут же, решив не медлить больше ни минуты, к пассажирам.

Старуха схватила меня за руку и притянула к себе. Её хватка оказалась вполне крепкой, не хуже моей, во всяком случае, уж точно сила, с которой она подтянула меня к себе, для ветхой старушки была более, чем странной.

– Не надо, – вполголоса, почти шёпотом проговорила она. – Не делай этого, поверь, это может плохо кончиться.

– В смысле? – оторопела я.

Старуха внимательно посмотрела в глаза, мне даже показалось, будто она невидимым лучом проникла в самый мой мозг и там... Впрочем, у страха глаза велики.

– Пожалуй, вам я расскажу, – она ещё раз внимательно посмотрела на меня.

– Слушайте, может, не надо, давайте, я просто договорюсь, – я уже была готова заплатить, лишь бы ее убрали от меня.

Она положила руку мне колено и начала тихо-тихо говорить. Пришлось прислушаться.

– Знаете ли вы, на чём мы с вами едем? Конечно, знаете. Сейчас такое время, в телефонах у вас обо всём говорят и показывают. Вы, например, об Америке откуда узнали? Из телефона. А чтобы об Америке узнать, вы сначала подумали: «А что такого интересного в этой самой Америке» и только потом посмотрели в телефон. Если б вы не подумали «А что такого там..», то и не узнали бы. И вам кажется, что вы всё знаете. А на самом деле, вы просто совсем думать не умеете.

«Началось», – решила я. – «В наши годы мы построили БАМ, сожгли тридцать костров, своровали в саду девяносто яблок и прочли бочку арестантов». Старуха заметила, видимо, мой полный тоски недоверчивый взгляд и улыбнулась.

– Я вам докажу. Вы думали когда-нибудь о том, на чём мы едем.

– Конечно, думала, – кивнула я. – Я думала, какой номер будет, какого цвета, где займу место, когда приеду...

– Нет, это вовсе не значит думать о том, на чём мы едем. А думать – это другое. Думать – это вот что. Кого раньше возил этот микроавтобус, попадала ли машинка в аварии, если попадала, то в какие, выжили ли люди. Такого ведь в телефоне не пишут? Чтоб такое знать, надо сначала об этом задуматься, а потом искать долго.

– Ну, в общем-то, да, – согласилась я, понимая, что действительно никогда не задумывалась над тем, что это за

транспорт. – Может, на нем в соседнем регионе трупы на кладбище возили. А, может, тьфу, такое сразу представляться начало. Вот заброшенный дом – это привычно для всех, сразу понятно, там страшно и интересно. Если вещи какие поношенные, тоже все знают, что энергетику можно чужую подцепить. А вот про маршрутки, ведь каждый день ездим...

– Поняли, значит?

– Ну, такое лучше и не знать, а то и вовсе расхочется ездить. А деваться ведь всё равно некуда. Вот я один раз в Испанию на самолёте летала, так там один пассажир прямо в салоне, в воздухе, умер, сердце прихватило, так мёртвого и везли.

– А вы не думали, что самолет прилетел, мертвеца выгрузил, а дух-то его мог в самолёте остаться? Так бывает, когда душа не понимает, что покинула тело.

Меня аж передёрнуло.

– Ну, самолеты, ладно, не так и часто, – продолжила старуха. – А вот наземный транспорт, поезда – редко, автобусы – почаще. А вот эти самые маршрутки – самое притягательное место для призраков. Во-первых, водители часто гоняют с нарушением правил, во-вторых, машины для поездок берут неизвестно откуда, часто старые. Что на них до этого возили, никто не знает. В общем, дело вот в чём. Не знаю, пугать вас или нет, но уж расскажу, как было. Не открою секрета, если сообщу, что маршрутки попадают в аварии. Мы все об этом знаем, но предпочитаем не думать. Если каждый раз,

сядаясь в общественный транспорт, мы станем вспоминать о трагедиях, мы долго не протянем. Обратите внимание, ни где, после сообщения о том, что тот или иной микроавтобус попал в ДТП, не пишут, что труповозку выкинули на свалку, утилизировали, вместо неё новую купили?

– Ну, да, не пишут, а зачем?

– Ха! – шёпот старухи набирал обороты. – Хороший вопрос. Зачем они будут такое писать. Кто это в наше время будет новые маршрутки покупать, нет, на стареньких возят. Это за границей – все для людей, у нас – все ради прибыли. Не пишут такое, потому что такого нет. Вы же взрослый человек и прекрасно понимаете, что вещь, любая вещь, накапливает энергию. Весь вопрос в том, какую именно?

– Ну, это бабка надвое сказала... Ой, простите, я не имела в виду..

– Ничего, я не обижаюсь. То, что энергия есть, уже и учёные доказали, это не вопрос веры. Так вот, вещи накапливают энергию. Маршрутки, побывавшие в авариях, чаще других попадают в новые аварии, это уже, милочка, статистика, а не бабкины, как ты выразилась, домыслы...

– Да я не имела вас в виду, это присказка!

– Так вот.., – продолжила старуха. Вдруг она замолчала. Прислушалась. – Кажется, ход сбавил? Слышишь? Останавливается что ли?

Я посмотрела вперёд. Кажется, и правда машина начала притормаживать. Через несколько метров водитель остано-

вил наш микроавтобус. Ещё мгновение спустя внутрь, дыша морозом и распространяя холод по салону, вошёл человек. Сказать, какого он возраста, хорош ли собой или невзрачен, было трудно: на глаза был надвинут чёрный капюшон, так что верхнюю половину лица закрывала ткань, а нижнюю – тень, падающая от материи. Старуха сильнее вцепилась в меня, почти приблизившись вплотную. И без того маленькая и горбатая, она, казалось, стала ещё меньше и ещё горбатее, словно стремилась полностью слиться с креслом, на котором сидела.

Мужчина медленно прошествовал по салону, оглядывая каждого из пассажиров, задерживаясь у каждого кресла. Я пыталась понять, от чего так напугалась старуха, и глядела на вновь прибывшего во все глаза. Чем больше я всматривалась в лицо, тем больше мне казалось, что под капюшоном, кроме темноты, ничего нет. Незнакомец, кажется, заметил мой взгляд и остановился. Мне стало неловко, и я отвела глаза. Выждав пару мгновений, снова стрельнула глазами на странного пассажира. В этот момент, если можно так выразиться, мы встретились взглядами. Если, конечно, то, что я увидела, можно хоть с какой-нибудь оговоркой назвать взглядом. Из черноты капюшона скалился череп. Меня прохватил такой озноб, что зубы застучали и затряслись руки. Я опустила глаза в пол. В голове было пусто, ни одной мысли, даже самой простой, ни одного ощущения, только чёрный фон, из глубины которого ухмыляется белая челюсть и скачут крас-

ные искры в мёртвых глазницах.

Пришла в себя от того, что меня тихонько трясла и дёргала моя старуха. Оказалось, я просидела в таком положении около десяти минут. Миниавтобус ровно катился по дороге. Старуха шептала:

– Ну, поняла?! Поняла?!

– Что поняла?

– Что ты видела?

Я снова вспомнила страшное видение, возникшее передо мной, потрясла головой, отгоняя кошмар.

– Ничего. Показалось. Ничего не видела.

– Врёшь ты всё! – обиделась бабка. – Знаю, что видела.

Ты одно запомни, не вздумай разговаривать с ним.

– С кем, с ним? – перебила я её.

– Вот с этим, кого видела.

– А кого видела? – передразнила я шипение бабки.

– Ну, слушай, только тихо и не перебивай. Это не так уж давно и было. Фёдор его звали. Ну, не суть. Ехал он домой. В городке сам жил маленьком, а в большой город на заработки ездил. Вот он после вахты своей домой должен был попасть. Там у него жена рожала. Так он торопился. Только вот ребята его задержали, говорят, такое дело, жена всё равно в роддоме лежит, а тебе, мол, отпраздновать надо. Слово за слово, отметили они по-мужски. Хорошо, надо сказать, погуляли. Так гульнули, что Фёдор-то и на второй день после работы домой не попал. На третий день, без денег уж совсем почти,

попросил у сотоварищей взаймы, чтоб на маршрутку только да на букет цветов. Они ему и денег заняли, да с ним же ещё и остановку проехали, как бы провожая и подбадривая его, ну, само собой, без горячительных не обошлось. В общем, ехал он, торопился, виноватый весь, всё думал, что жене скажет, как прощения попросит. А жена, надо сказать, крепко обиделась тогда, кричала, что на развод подаст. Да, к слову, поговаривают, даже прокляла его. Чего уж, баба быстра на язык, а не на голову ж. Может, в сердцах скажет чего, а в уме так не думает. Да потом и пройдёт у неё, она сто раз ещё счастья пожелает тому, кого прокляла. А тут вот не успела. Прокляла только. А он прощения не попросил. Автобус в аварию попал. Все выжили, а Фёдор – нет. Так с той поры и мается он. Домой хочет попасть, чтоб жена простила, и друзей своих найти хочет, отомстить им, что с панталыку сбили. Так и выходит, что он садится во все маршрутки, ищет своё место да смотрит, кто с ним рядом сидит. И уж, если кто один сидит в маршрутке, так Фёдор к нему непременно подсаживается, да и думает, что это тот самый друг его. Сколько раз было – всех, к кому он подсел, потом мёртвыми находили. И не знаешь, где встретишь-то его. Одно только известно – садится именно в ночные автобусы, маршрутки, а кто-то и в поездах видел. Вот поэтому-то я и не хотела садиться на пустое двойное кресло. Видишь, как оно, Фёдор-то к нему соседом и присел, к тому мужчине, что мне место подле тебя освободил.

– Так это тот самый Фёдор?

– Ты мне скажи! Ты ж видела, я на него и смотреть-то робею.

– Я точно и не поняла, что именно увидела. Одно могу сказать, страшно очень, прям леденит, вы ж видели, как меня трясло. Страх такой какой-то ненормальный, непонятный, жутко и всё. Вот, бывает, собака бездомная идёт на встречу, а ты боишься. Так вот тут понятно, что боишься того, что собака нападёт. А в этот раз и непонятно – жутко и всё, хоть из маршрутки беги, такой страх, если бы могла, сбежала бы, окно бы выбила... Да только меня таким льдом сковало, что я и дёрнуться не могла.

– И-и! Это что, ведь он заговорить с тобой может. Спрашивать, может начать. Сначала так, знаешь, беседа про погоду, про поездку. А потом он так может посмотреть и спросить, не знаешь ли ты его жену, и скажет, между прочим, мол, хотел бы знать, простила ли его жена. Тут не знаешь, что и делать, если скажешь, что не знаешь его жены, он осерчает так, что семь лет несчастной ходить будешь, он тебя везде преследовать начнёт. Скажет, мол, врёшь, знаешь жену, просто не хочешь мне от неё прощение передать. А если скажешь, что знаешь жену, он про прощение спросит. Так если сказать, что жена не сердится, он тебя сплетницей назовёт и придушит.

– И как тогда?

– Что значит «как тогда»?

– Отвечать как? Чтоб не рассердился.

– Так этого никто не знает. Одно только – даже не начинай разговор. Он начнет, сиди молчи, как воды в рот набрала, он тогда на ближайшей остановке и выйдёт. Главное – кивать даже нельзя и улыбаться.

– Так что, теперь наш сосед-то не жилец?

Старуха молча кивнула.

– Так надо ж как-то мужика-то спасти?

– Себя спасай, ему уж не поможешь.

– А откуда вы всё это знаете?

Тут в маршрутке началось движение. За разговорами я и не заметила, как мы доехали. Все начали потихоньку выбираться на свежий воздух. На самом краешке неба занималась новая заря. Город торопился по своим делам, сигналили машины, дворники шоркали щетками асфальт, ноздри щекотал запах жареных пирожков. Я схватила старуху, не дав ей уйти:

– Скажите, вам-то откуда всё это известно?

– Откуда? Это было недавно совсем. Полвека почти назад.

А я жена его, там самая...

Надо признаться, я оцепенела. Старуха воспользовалась моим замешательством и быстро покинула салон. Я посидела ещё немного, пытаюсь как-то осмыслить впечатления этой короткой ночи. Через пару минут почти удалось убедить себя, что всё это – дурной сон, кошмар, выдумка переутомившегося сознания. Начала выбираться. И тут краем глаза заметила сбоку чей-то взгляд. В момент все мои внутренние

рассуждения о том, что никаких призраков не существует, что все это чистой воды фантазия, что я уже, в общем-то, большая девочка и стыдно всякого такого бояться, испарились, и их место занял уже знакомый ледяной озноб с дробным стуком зубов. Уж не знаю, как нашла в себе силы повернуть голову в сторону взгляда, однако я это сделала. На меня мёртвыми запавшими глазами смотрел средних лет мужчина, губы его посинели, словно от удушья или от остановки сердца. В кабину вернулся водитель. Я поспешила к выходу.

– Кажется, мужчине в салоне плохо, – быстро проговорила я и постаралась как можно быстрее скрыться из виду.

Весь тот день ходила и думала о ночном происшествии, не могла сосредоточиться ни на чём другом. Вечером в уютной квартире, за просмотром новостей, заметила одну: «Пассажиру стало плохо в маршрутном такси. Выехавшая на место бригада установила скоропостижную смерть от сердечного приступа».

Хотите – верьте, хотите – нет. Я и сама сейчас думаю, наверное, просто приснилось, а у мужика этого сердце просто прихватило. Так вот совпали обстоятельства, а ум всё в одну цепочку связал. Только я с пустым креслом не езжу теперь.